

...ских фактовъ, не только освидѣтельствованіе авторъ въ ихъ здоровомъ умѣ и твердой памяти, но и помѣщеніе на страницахъ журналовъ критическихъ статей о декадентской поэзіи.

Но разъ психіатрическая эпидемія вторглась въ область лирики, мы не знаемъ, почему-бы она стала ограничиваться этою областью, не пошла-бы и далѣе, не завладѣла-бы мало-по-малу и беллетристическою прозою?

Правда, справиться ей въ этой сферѣ сразу нѣсколько трудно. Мы привыкли уже, чтобы беллетристика отражала окружающую насъ жизнь во всей ея песочной подлинности и со всею ея тинкою мелочей и дразгъ, чтобы герои и героини встрѣчались, влюблялись, вступали другъ съ другомъ въ бракъ, расходились, дрались на дуэляхъ, обманывали и объегоривали другъ друга такъ, какъ дѣлается обыкновенно на землѣ, а не въ областьхъ воздушныхъ, и романъ, весь текстъ котораго исчерпывался-бы одною фразой: «о закрой свои блѣдныя ноги!» — положительно немислимы.

III.

Да, вдругъ это трудно! Были кое-какія попытки въ этомъ родѣ. Не помню ужъ, кажется, г-жа Гиппиусъ на страницахъ «Сѣверн. Вѣстника» разразилась какимъ-то символическимъ бредомъ въ прозѣ въ видѣ цѣлаго ряда коротенькихъ афоризмовъ, по три строчки каждый... Но подобныя попытки потерпѣли фiasco и тотчасъ-же предались забвенію.

Но исподволь, потихоньку, да пошешажу очень и возможно воцареніе декадентства и въ области беллетристики. Сначала начнутъ все болѣе и болѣе появляться на страницахъ журналовъ рассказы, повѣсти и цѣлые романы, въ которыхъ будутъ выводиться душевно-больные, положимъ даже вполне реально и вѣрно съ послѣдними словами науки. Авторы при этомъ будутъ сами по себѣ, а герои сами по себѣ. Чѣмъ авторы будутъ виноваты, что герои ихъ произносятъ разный декадентскій сумбуръ, а публика между тѣмъ будетъ приучаться къ этому сумбуру, входитъ во вкусъ его. При этомъ можно съдѣлать такую ловкую обстановочку, что здоровыя, мыслящіе люди, окружающіе сумашедшихъ героевъ, все окажутся вдругъ полнѣйшими филистерами, герои-же при всемъ своемъ явномъ сумашествіи будутъ ярко отъѣдываться этими пошляками, какъ воплощенные идеалы, и сумашедшія рѣчи ихъ сравнительно съ пошлыми и банальными резонерствами здоровыхъ пошляковъ, будутъ блестящи, какъ вдохновенныя откровенія божественной мудрости. Тутъ кстати можно припомянуть ломброзовскую идею, что гениальность совпадаетъ съ сумашествіемъ, или припомнить изреченіе, сдѣланное нѣкимъ русскимъ декадентомъ прошлаго вѣка: «здоровъ въ одномъ публичномъ мѣстѣ, что здоровье само по себѣ есть величайшая пошлость».

Ну, а далѣе затѣмъ одинъ шагъ и до такихъ произведеній, въ которыхъ сумашедшіе герои могутъ выставляться безъ малѣйшаго обозначенія, что они психически больные, и что авторъ лишь анализируетъ чужихъ болѣзнь, а, наиротивъ, того играть роль идеаль-

нѣйшихъ смертныхъ, какъ своего рода соль земли, устами которыхъ вѣщаетъ сама истина вѣковѣчная.

IV.

Къ величайшему сожалѣнію, первый сигналъ къ такому рода психіатрической беллетристикѣ былъ поданъ однимъ изъ крупнѣйшихъ талантовъ нашей современной беллетристики, именно г. Ант. Чеховымъ, въ столь прекрасномъ его произведеніи, какъ «Палата № 6», въ свое время достойно оцененномъ на страницахъ «Новостей». Правда, г. Чехова выручилъ его замѣчательный талантъ, обладающій тонкимъ и гау-бокимъ чутьемъ дѣйствительности. Къ тому-же г. Чеховъ самъ медикъ, до извѣстной степени компетентный въ психіатріи, и поэтому анализъ его двухъ патологическихъ героевъ, выведенныхъ въ повѣсти, не требуетъ подтвержденія со стороны экспертовъ по этой части. Наконецъ, герои его далеко не представляются идеальнѣйшими людьми, обставленными пошляками. Но и въ повѣсти г. Чехова есть кое-какія обещанія будущаго декадентства: такъ заболѣваніе доктора Андрея Ефимовича проведено такъ тонко, что многіе читатели и не замѣтили, что въ концѣ повѣсти онъ сошелъ съ ума, а вообразили, что онъ былъ посаженъ въ больницу здоровымъ по интригѣ Хоботова. Другой герой, Пванъ Дмитріевичъ, хотя и является несомнѣннымъ душевнымъ больнымъ, но до болѣзни онъ представлялъ собою словно какъ-бы героя неподкупной правды, да и сойдя съ ума, онъ говорилъ Андрею Ефимовичу такіа симпатичныя рѣчи, что сомнѣнія не представляется, что устами ихъ высказывается самъ авторъ. Наконецъ, встрѣчаете вы здѣсь намеки и на отсутствіе определенной грани между здоровыми и больными, на то, что вѣдь «десятки, сотни сумашедшихъ гуляютъ на свободѣ, потому что невѣжество ученыхъ неспособно отличить ихъ отъ здоровыхъ», что все зависитъ отъ случая: кого посадили, тотъ сидитъ, а кого не посадили, тотъ гуляетъ, — вотъ и все!..».

Правда, говорятъ это люди психически больные и авторъ выдаетъ ихъ за таковыхъ, но еще разъ повторимъ, одинъ, два шага впередъ, и ахъ какая можетъ выйти путаница, — такая путаница, что вы уже и не разберете, кто здоровъ, кто душевно боленъ, и самъ авторъ заоретъ вдругъ передъ вами нѣтухомъ или воскликнетъ въ заключеніе: «а знаете, что у алжирскаго бея подъ посохъ шиска!»..

V.

«Ошибки» г. Горькаго представляется ничѣмъ инымъ, какъ грубѣйшимъ, рабскимъ подражаніемъ «Палаты № 6» г. Чехова, подражаніемъ не только въ сюжетѣ и положенія дѣйствующихъ лицъ, но и въ самомъ языкѣ и, какъ всякое подражаніе, повѣсть г. Горькаго утрируетъ и представляетъ въ самомъ вопиющемъ видѣ именно слабые стороны того, чему подражается подражатель, — въ настоящемъ случаѣ «Палаты № 6» г. Чехова.

Совершенно подобно тому, какъ и у г. Чехова, въ «Ошибкѣ» выводятся два героя: одинъ ушелъ уже сойти съ ума, а другой лишь готовится къ этому. Совершенно точно также послѣдній увлекается первымъ,

преклоняется передъ нимъ, какъ передъ пророкомъ, и въ концѣ концовъ самъ сходитъ съ ума и обоихъ ихъ заключаютъ въ сумасшедшій домъ.

Дѣйствіе въ разсказѣ г. Горькаго, какъ и подабаешь въ декадентской повѣсти, совершается гдѣ-то въ про- страствѣ, неизвѣстно, въ какой губерніи и городѣ, а можетъ быть между небомъ и землей въ непокрытой улицѣ. На сцену является прежде всего нѣкій Кириллъ Ивановичъ Ярославцевъ, почему-то «учитель не у дѣлъ» и, новидимому, занимающійся въ какомъ-то ста- тистическомъ бюро. — Работа не давалась ему. «Въ го- ловѣ глухо шумѣло и ему казалось, что она налита г- чѣмъ-то густымъ и тяжелымъ, что больно давить из- А- нутри на глаза, стремясь излиться наружу. Цифры и съ карточекъ то вдругъ исчезали, то появлялись и г- снова холодно и сухо свидѣтельствовали о чемъ-то, и то уменьшались до крохотныхъ, неясныхъ караку- лекъ, то вдругъ вырастали въ крупныя, страшныя и до- поджатыя фигуры. Кириллъ Ивановичъ слѣдилъ за в- ихъ игрой и чувствовалъ, что въ немъ, гдѣ-то глу- о- боко вырастаетъ и формируется тяжелая и безпокой- ш- ная мысль. Она еще была не ясна ему, но онъ уже о- боялся ея тупою и обезсиливающею боязнью, такъ и какъ зпалъ, что она непременно появится, и тогда ц- ему будетъ еще хуже и больнѣе, чѣмъ теперь. в-

«Послѣднее время его стали все чаще и чаще пре- пр- слѣдовать эти мысли, гнетущія душу, обращающія ч- все въ темный цвѣтъ, нѣчто вродѣ осеннихъ тучъ, с- такія-же сырыя и холодныя, оставляющія за собою на душѣ ржавчину тоски и тупого равнодушія ко все- м- му... Сначала онъ упорно боролся съ ними, но потомъ увидѣлъ, что эта борьба не влечетъ за собою ника- т- кихъ результатовъ, кромѣ утомленія души, и всегда Е- ведетъ къ тому, что онъ давятъ его сильнѣе, стано- го- вясь сами образнѣе и ярче отъ сопротивленія имъ. п- Тогда онъ уступалъ и ужь если чувствовалъ, что вотъ п- онъ идти, то прямо ложился на диванъ и, заложивъ а- руки подъ голову, безъ сопротивленія отдавалъ себя въ ихъ власть. о-

«Такъ оставался онъ часа по два, по три, а иногда н- и по цѣлымъ ночамъ, какъ-бы расколотый на двѣ в- части, причемъ одна, отъ времени становившаяся к- меньше, жалобно и безпомощно слѣдила за другой, ст- которою овладѣли эти тяжелыя думы, перетиравшія, к- подобно жерновамъ, все хорошее и свѣтлое, что есть ду- вь жизни, и все, чѣмъ надѣлаетъ ее мечта, въ сухую в- безцвѣтную пыль»... он

VI.

Между тѣмъ какъ Кириллъ Ивановичъ собирался с- такимъ образомъ сходить съ ума, товарищъ его, Крав- ка- цовъ, успѣлъ опередить его. Давно уже всѣ считали его с- чедовѣкомъ непормальнымъ, и онъ каждый день под- он- тверждалъ такой взглядъ на себя, высказывая сегодня желаніе учиться математикѣ, чтобы постичь тонкости де- астрономіи, завтра—уйти въ деревню, чтобы обрѣсти ли- тамъ равновѣсіе души, уѣхать въ Америку и бродить ещ- тамъ въ степяхъ, конвоируя гурты скота, поступить те- на фабрику, чтобы развивать среди рабочихъ теоріи мас- социализма, учиться музыкѣ, ремеслу, рисованію. Не- для- обходимость всего этого онъ доказывалъ всегда увѣ- ус- (...

А. Скабичевскій